

РАССКАЗЫ

НИНА, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ

— Сиськин, а что ты не подойдешь к ней, не скажешь, что она тебе нравится?

Сергей — мой друг и сидит со мной за одной партой.

Фамилия у меня не Сиськин, а Сосискин, но и то лучше, чем Сися или Сиська, как меня часто зовут ребята.

Сергей добрый и сильный. У девятиклассников я еще никогда не видел бороды и усов, но у него что-то такое торчит над губой и на подбородке. И красные щеки в точках, похоже, щетина пробивается. Волосы у него черные, кудрявые, непослушные. Он не очень высокий, но такой широкий, что кажется и высоким тоже. Его опасаются даже старшекласники. Вот на парте рядом со мной лежит его кулак. Он похож на кувалду, такой он массивный и мощный. Тетради перед Сергеем вообще нет, и я не понимаю, как он учится в школе, он же вообще ничего никогда не делает!

А передо мной тетрадь есть. Я в ней рисую: воздушные шарики, глаза, и головы с открытыми в крике ртами. Вот эти вот уроды — кричащие головы — мне самому не очень нравятся. Они страшные и не похожи на человеческие. Мама называет их бесами. Она права, есть что-то жуткое в них, и я их не хочу рисовать, они сами рисуются. А получается так вот почему. На уроке я честно стараюсь слушать учителя. Но всегда происходит одно и то же: через несколько минут (а может, даже секунд) я перестаю понимать, что он говорит. То есть я перестаю воспринимать его речь. Я слушаю, но не слышу или, наоборот, слышу, но не слушаю. Или даже и то и другое. Я как будто отключаюсь от окружающего, вылетаю из класса и где-то витаю. Не знаю где, но мне там хорошо.

— Сосискин! Рот закрой!

Это учитель. Все смеются. А я возвращаюсь в класс и понимаю, что уже давно не понимаю, о чем идет речь на уроке. Я упустил связующие звенья, и теперь еще сложнее следить за происходящим. Учитель произносит слова, они вылетают одно за другим и образуют стаи, и в каждой стае я вижу структуру и порядок. Но я не понимаю их смысла. Каждое слово в отдельности я понимаю, да, но в стае я теряюсь.

И тут я начинаю рисовать — со стороны кажется, что я записываю за учителем. Я начинаю рисовать воздушные шары, потом перехожу к глазам, а заканчивается все орущими головами. И вот когда я ловлю себя на том, что опять их рисую, мне становится не по себе, как будто меня выпотрошили.

Иван Александрович Гобзев родился в 1978 году, окончил МГУ (философский факультет). Там же защитил кандидатскую диссертацию по философии. Работал в разных профессиях, но больше всего корреспондентом и преподавателем. Печатался в журналах «Нева», «Москва», «Новая Юность» и других. Автор трех книг: «Зона правды» (М., 2013), сборник повестей «Те, кого любят боги, умирают молодыми» (М., 2013), «Глубокое синее небо» (М., 2017). Живет в Подмосковье.

— Сиськин, ты оглох? — Сергей толкает меня в бок локтем. — Тебе же нравится Нина?

Еще бы она мне не нравилась.

— Да, — говорю я.

Но продолжаю думать о трудностях учебы. Отчего все так сложно становится с каждым годом? Вот я помню, делали мы всякие поделки — из цветной бумаги, с ножницами и клеем-карандашом. Очень хорошо я научился их делать. Там все ясно было и просто. А математика совсем другое дело. Она коварна и сложна неимоверно, и я не пойму ее никогда. Тут даже стараться бесполезно.

Иногда я рисую улыбки и цветы. Цветы реже всего, потому что их я рисую осознанно. В этом деле я мастер. Орхидеи, розы, тюльпаны, пионы, лилии и так далее, и так далее я изображаю подробно, со всеми сложностями лепестковых узоров, тенями и полутенями. Я рисую не только бутоны, но и стебли — с листьями, шипами, почками. Чтобы вышло хорошо, важны сосредоточенность и четкое видение того, что ты хочешь нарисовать, поэтому неосознанно толковый цветок не нарисуешь, разве что какую-нибудь очень схематичную ромашку.

Однажды на перемене Нина схватила мою тетрадь и прямо при всех стала ее листать и комментировать, как бы изображая учителя.

— Сися, домашнее задание опять не сделал! Почему?

Я попытался выхватить тетрадь, но не вышло, она быстро подняла ее над головой. Что делать? Не драться же с девочкой. Я сел обратно, красный.

— Забыл! — отвечаю смущенно.

— А голову ты свою не забыл? — спрашивает она и под общий смех продолжает: — Похоже, что да, учитывая, сколько у тебя нарисовано запасных в тетради!

Но тут она увидела что-то и стала листать молча, уже без учительских ужимок и комментариев. Потом закрыла ее и бросила на парту:

— Красивые цветы, Сися. Отлично рисуешь. Нарисуешь мне, если я попрошу?

— Мужчина не должен цветочки рисовать, — сказал Андреев.

— Ты тупой, — возразила Нина. — Ты так сам никогда не сможешь.

В общем, она так и не попросила. Но что похвалила меня, это было здорово!

Она выше меня и очень худая. Смуглая, с длинными черными волосами. Она не похожа на принцессу или на модель, как, например, Сабинина и Ступакова. Сабинина совсем уже женщина, у нее огромная грудь и зад как у Кардашьян. Она всегда накрашена, молчалива и что-то такое постоянно из себя изображает. Ступакова, наоборот, стройная и тонкая, но тоже модельная такая, ухоженная и сдержанная. А Нина все время кривляется. Точнее, у нее просто оживленная мимика, и все свои слова она сопровождает эмоциональными движениями губ, бровей и даже ушей.

Нина часто выкладывает свои фото в сетях. Сегодня было такое — она стоит у зеркала в школьном туалете с приподнятой юбкой. И подпись: «Я так волновалась перед уроком географии, что надела трусы наизнанку».

Всем нашим девочкам нравится географ. Мне нет. Не понимаю, почему другие не замечают, какой он жеманный и все такое.

— Сись, ты отупел? — это опять Сергей. — Я тебя спрашиваю, ты чего не скажешь Нине, что она тебе нравится?

Он не отстанет.

— Сергей, я ей не нравлюсь.

Все откуда-то знают, что мне нравится Нина. Хотя я никогда никому не рассказывал.

— Почему ты знаешь? Я вот слышал, как она говорила Андрееву, что ты ей нравишься больше, чем он.

Я перестаю рисовать и поворачиваю голову к нему.

— Правда?

— Блин, Сисый, я когда-нибудь тебя обманывал?

Вообще было, да, как-то в пятом классе перед уроком он сказал мне, что за мной пришла мама и мне срочно надо идти. И я пошел и стоял около охранника, но меня не выпускали, а я говорил, что пришла моя мама, а он возражал, что никто не приходил, и я плакал.

Но я, конечно, ответил:

— Что ты, не было никогда.

Он положил локти на стол и наклонился ко мне. Он него повеяло запахом пота и чем-то еще очень мужским.

— Короче. Нина обожает стихи. Романтические. Типа от Татьяны к Онегину и прочую хрень.

— Я не умею стихи писать.

— Карпеных умеет. Я его попрошу, хочешь? А скажем, что это от тебя.

— Но это же не честно.

— Да брось, Сиськин. Так всегда делали раньше. Думаешь, рыцари умели писать стихи? Они только махаться хорошо могли. А стихи за них писали всякие трубадуры.

Я продолжаю рисовать. Мне не по себе, я не уверен, что-то в этом мне не нравится.

— Ну, ты согласен? — он толкает меня в бок.

Я знаю, что он не оставит меня в покое.

— Хорошо.

— О'кей, я с Карпеныхем на перемене переговорю.

Каждый день я провожаю Нину до ее дома. Ну как провожаю, я иду следом на почтительном расстоянии. Одна она редко возвращается, обычно с одноклассниками, которым с ней по пути. Иногда ее провожают мальчики. В таком случае я стараюсь держаться дальше обычного. Когда она с девочками, то они оборачиваются и смотрят на меня. Я всегда в таких случаях останавливаюсь и стараюсь либо спрятаться, либо делаю вид, что рассматриваю витрины. Девочки смеются. В принципе, она не должна думать, что я специально хожу за ней, ведь мой дом находится в том же направлении, что и ее.

На перемене Сергей в самом деле о чем-то говорил с Иваном. Иван поглядывал на меня с непонятной мне улыбкой и кивал. Было ясно, что он согласен. Иван — наш лучший поэт в классе. Точнее, даже единственный. Он ловко складывает стихи, получается здорово. И смешно. Но стихи, как правило, неприличные, про всякие непристойности. Учится он плохо, но не потому, что такой же неспособный, как я, а потому, что ничего не хочет делать. Учителя говорят, что он очень умный и если бы не был таким ленивым, то учился бы на пятерки. Но этому никогда не бывать, Иван сам так говорит, что лучше сдохнуть, чем разбираться в химии и алгебре. Я с ним почти согласен, но не потому, что это лучше, а потому, что это легче.

Теперь русский. Вроде бы полегче математики, а все равно та еще премудрость. Как научиться разбираться во всех этих тонкостях грамматики? Я сдался, еще когда запятые проходили. Так я и не понял, почему их надо ставить там, где надо. Вот это вот: «Казнить, нельзя помиловать» — всегда приводят в качестве примера, почему надо ставить запятые по правилам. А по-моему, этот пример показывает, что их ставить надо, да, но не по правилам, а по смыслу. Читаешь текст и спотыкаешься, читаешь и спотыкаешься об эти запятые, как об кирпичи на дороге темной ночью. Они ведь не проясняют, а только затуманивают. Я бы вообще отменил правила с запятыми, чтобы все их ставили там, где считают нужным.

Тут я ловлю себя на том, что очень злюсь. Надо успокоиться. Бог с ними, с запятыми. Да и, может, прав был Андреев, когда сказал, что я не понимаю правила пунктуации, потому что тупой.

В середине урока я замечаю, что Иван передает записку Сергею. Я понимаю, что это стих. Я думаю, что сейчас Сергей передаст листочек мне. Я очень хочу посмотреть, что там написано, но он почему-то отдает его другому и показывает при этом на меня. Так стихотворение доходит до Нины. Она несколько секунд читает, и от волнения у меня перехватывает дыхание. Потом задумчиво смотрит на меня — мне кажется, очень долго. Я не выдерживаю и отвожу взгляд. Я чувствую, что лицо мое горит, а тело под рубашкой вспотело.

После звонка Нина быстро собирается и выходит в коридор. Я тоже спешу, я ведь должен ее провожать. Я выбегаю за ней, но она не ушла в раздевалку, как я думал, а стоит у дверей.

— Ты написал?

— Да, — отвечаю.

— Получай, — говорит она спокойно и бьет меня ладонью по лицу.

Щеку обожгло, я закрыл ее рукой. От обиды у меня выступили слезы.

Она сунула листок в нагрудный карман моей рубашки и пошла прочь. Я вытащил листочек и прочитал:

Нина, я тебя люблю
Очень нежно.
Оближу, позолочу
Твой проход промежуный!

И подпись: «Сосискин»

— Нина! Нина! — закричал я в отчаянии.

Она остановилась и обернулась.

— Ну? Чего тебе?

— Это не я написал! Это Карпенюч!

— Я так и подумала. А зачем сказал, что ты?

— Потому что ты мне очень нравишься! Очень! Я люблю тебя!

Я кричу на весь коридор, и меня слышат выходящие из классов. Все вокруг смеются, некоторые дают обидные комментарии. Но мне все равно.

— А ты мне нет! — зло кричит она в ответ. — Ты мне нет!

Почему-то мне становится очень больно от этих ее слов. Она меня как бы ударила еще раз, но теперь намного сильнее, и меня снова обжигает, но внутри. Я чувствую, что плачу уже вовсю, по-настоящему.

— Почему? — тихо спрашиваю я.

— Да потому что ты фрик, чего непонятного! Ты урод и debil, ты вообще никому не можешь нравиться! И больше не смей ходить за мной. Ты понял? Не ходи больше никогда за мной, мне это надоело!

И она ушла. А напротив у стены стоит Сергей и хохочет в кулаки. Он прижал свои руки-кувалды к лицу и трясется от смеха, он стал совсем алый, прямо как роза.

Я спускаюсь вниз и захожу в раздевалку. Моя куртка валяется на полу, она грязная, по ней ходили. Я надеваю ее и выхожу на улицу. Я иду домой. Но вскоре замечаю впереди, совсем близко, Нину с подругами. Подруги оборачиваются и что-то говорят ей. Нина трясет головой и останавливается.

Я сворачиваю в подворотню и встаю у стены дома. Буду ждать, пока она не уйдет. Я закрываю глаза и вижу перед собой распускающуюся розу. Она раскрывает свои лепестки, как в замедленном кино, я вижу каждый в отдельности. Я даже ощущаю их фактуру и чувствую запах, и замечаю все прожилки и различия в оттенках красного. Я удивляюсь сам себе — оказывается, я могу рисовать цветы в воображении!

НОВАЯ МОДЕЛЬ

Поступила новая модель — XXX-10. Прямоугольная, совершенно черная. Такая же, как и все предыдущие, лично я никакой разницы не вижу. Но на презентации исполнительный директор, конечно, говорит о том, какие удивительные новшества она имеет. Он ходит по сцене вокруг модели перед сотнями журналистов, крутит ее, вертит, демонстрирует опции и, конечно, шутит.

Честно — ничего принципиально нового в ней нет. Да, модернизирована начинка, более высокий класс вибрации, засасывания, увеличена скорость отдачи и усовершенствована тактильность, чтобы ощущения, как говорится в рекламе, были «те самые». Но они и так те самые последние лет пять. Все эти обновления человек уже не способен заметить, ему что тактильность уровня 24, что уровня 16 — все едино, он не различит.

И с особо притягательной улыбкой, которая показывает, что сейчас будет сказано что-то важное, директор заявил:

— Количество оттенков серого увеличено на двести пятьдесят шесть тысяч!

Боже мой, я тут чуть не рассмеялась. Как будто кто-то в состоянии их распознать. Но справедливости ради сказать надо — поверхность XXX-10 и в самом деле выглядит чуть иначе. Она блестит, как черный бриллиант, а если приглядеться, то заметно, что она вся в мелких-мелких пупырышках. Не могу понять, в чем дело, но это пупырышки завораживают, и возникает нестерпимое желание их потрогать.

— Усовершенствована опция распознавания владельца, — говорит он, подходит вплотную к модели и ловкими отработанными движениями поглаживает ее корпус в определенном месте. Ничего не происходит.

Он поглаживает снова, но опять ничего не происходит, и по залу прокатывается негромкий смех. Директор тоже усмехается, но без всякого смущения.

— Она не хочет меня! — замечает он, быстро поворачиваясь к журналистам.

Раздается взрыв хохота.

Закатывают другую модель, эту увозят. Теперь у него все получается. Крышка раскрывается, и выдвигаются коммуникационные элементы. Директор отскакивает с деланным испугом.

— Как трудно устоять! — снова шутит он.

Журналисты смеются.

Хотя продажи начнутся только через три недели, к основному дилерскому центру, куда новая модель поступит в первую очередь, уже выстраивается очередь. Люди занимают места, чтобы жить в этой очереди три недели. Они будут здесь спать, есть и справлять нужду — в ближайших кафе. Понятно, что вот эти вот первые занявшие, скорее всего, не собираются покупать XXX-10. У них просто нет таких денег. Они стоят, чтобы потом продать свои места в очереди другим, тем, у кого деньги есть. Сложно сказать, сколько потребуют, но в случае прошлой модели цены за места в начале очереди доходили до двухсот тысяч. Разумеется, есть и такие среди уже занявших, кто эту модель купит. Это спекулянты. Потом они ее перепродадут — в полтора-два раза дороже.

Можно подумать, что для себя или в подарок близким покупают только богатые. Но самое забавное, что большая часть покупателей — среднего достатка. Модель рассчитана на массовый спрос. Чтобы позволить себе это удовольствие, люди берут огромные кредиты и расплачиваются потом всю жизнь. Они попадают в долговое рабство. А ведь и обслуживание модели тоже стоит немалых денег.

Директор легким движением толкает демонстрационный экземпляр, и он начинает плавно крутиться вокруг своей оси. И тут вся его бриллиантовая красота раскрывается в полной мере, он как будто образует сферу, и она сверкает, переливается, вспы-

хивает всевозможными огнями. Она вызывает настойчивые ассоциации из детства. Я вскоре понимаю, что это за ассоциации: модель напоминает нарядную елку в новогоднюю ночь, когда она заволаживает горит в полутьме. Разумеется, это не случайный эффект, создатели все это продумали. И как бы подтверждая мою догадку, директор говорит:

— Хотя дети не смогут использовать XXX-10 по назначению, они смогут ею любоваться.

Он отступает на два шага и указывает раскрытой ладонью на модель, улыбаясь в зал.

— Не правда ли, эстетичное зрелище?

Правда, — киваю я. Только все эти модели — одинаковые. Что у вас, что у других производителей. У всех почти в точности одно и то же: черное и прямоугольное! Ну хоть какое-то разнообразие, ну какие-нибудь цветные вставки, полосы, выступающие детали, хоть что-то новое! Но нет! Каждая очередная модель, вокруг которой столько шума, оказывается двойником предыдущей. Ну ладно, отличия, конечно, есть. Да только они все внутри и не очень-то оригинальны.

Самое странное, что всех все устраивает. Всем нравятся эти модели. И они будут выпускаться и продаваться, пока нравятся. Тут все ясно, есть спрос — будет и предложение.

Но неужели я одна такая, кому они кажутся ужасно страшными и однообразными? У меня мелькает неприятная мысль, которая посещала меня уже и раньше, что дело не в моделях, а во мне. Это я устарела и не меняюсь и поэтому не способна оценить все их совершенство.

— Может быть, может быть, — говорю я вслух.

— Еще как! — улыбается мне сосед, думая, видимо, что я комментирую презентацию.

По его глазам, тому, как он улыбнулся, как обернулся ко мне, я сразу безошибочно определяю, что он надеется подклеиться ко мне. В кроссовках, пиджаке, джинсах и квадратных очках в толстой черной оправе — типичный редактор второсортного интернет-издания. Больные эти мужчины все-таки. Всегда, в любой ситуации, в любом месте они думают только об одном.

— Они восхитительна! — сладко, полузакрытыми глазами глядя на модель, добавляет он.

Тут я понимаю, что ему нет до меня никакого дела и что рядом с моделью я для него — пустое место. Мне становится немного обидно.

И вдруг я понимаю: а ведь директор еще ни слова не сказал, какая эта модель — мужская или женская. Выглядят-то они все одинаково, но, судя по коммуникационным элементам, я могу предположить, что это девочка. Но не факт, подробности разглядеть не удалось. Директор молодец, сохраняет интригу.

Когда все это началось, первые модели, поступившие на рынок, были человекообразны. Точнее даже, они выглядели в точности как люди. И я испытываю ностальгию по тем временам. Производители пытались имитировать натуральную кожу, блеск глаз, сочность губ и, конечно, движения. Были, как всегда, и дешевые китайские поделки, их можно было заказать на али-экспресс за цену, раза в два ниже рыночной. Но и разочарованию покупателя потом не было границ.

Помню, как я шла из школы однажды, и мне под ноги свалилась модель. Звон битого стекла, мощный шмяк, крик — я сначала решила, что из окна выпал человек. Но кричала не она, а мужчина в окне. В майке на лямках, он высунулся и орал на упавшую, и лицо его было красным от ярости.

— Дешевая китайская с..., сдохни, сдохни!

А она упала так нелепо — на колени и лоб — и совершала теперь странные движения, взад-вперед, взад-вперед. Только кисти рук сломались и скальп частично слез, поэтому выглядело все это жутко.

Я расплакалась от шока и испуга. Хозяин ее вышел через минуту в этой же майке и трусах до колен, протянул мне шоколадку, схватил подмышку модель и уволок к себе, по пути крепко стукнув головой о железную дверь подъезда. «Милый» — нежным голосом сказала она, продолжая дрыгаться.

Я пошла дальше и вдруг слышу опять — шмяк! Оглядываюсь резко: а там букет цветов на тротуаре. И вот я до сих пор, когда вспоминаю эту историю, думаю: неужели он своей китайской модели цветы дарил?

В общем, было хорошее качество, было и плохое. Но хорошие производители, соревнуясь друг с другом, старались делать лучше, и каждый по-своему. Некоторые за основу брали известных голливудских актеров, некоторые образы живописи эпохи Возрождения, другие воссоздавали персонажей из фантастических фильмов.

Это было искусство. Производитель считал делом чести создать нечто необычное, такое, чего у других еще не было, и, само собой, отличного качества. Разнообразие было поразительное. Вот тебе Венера Милосская (правда, с руками, по понятной причине), вот Венера Боттичелли, а вот Венера Урбинская, выбирай, какую хочешь.

Хочешь Давида, а хочешь Голиафа, нет проблем. Хочется чего-то экзотического? Пожалуйста: инопланетянки, русалки, кентавры.

В те удивительные времена заговорили о новом Ренессансе. Изобразительное искусство получило стимул с неожиданной стороны. На моих глазах зарождалось то, что должно было стать классикой.

Но период классики прошел очень быстро, и наступил модерн. Так всегда бывает — найдется кто-то, кто нарисует черный квадрат. Но самое главное, что найдутся те, кто будет им восхищаться.

Одна корпорация, которая раньше занималась в основном разработкой космических технологий, вдруг заявила о выходе на рынок сексуальных роботов. X-Technology. Никто не верил в их успех, но произошло чудо: всего через пару месяцев все уже хотели покупать только их модель. Она называлась XXX-1. Черный глянцевый куб с сенсорной поверхностью. То есть модель вообще не походила на человека. Более того, мужские и женские модели выглядели совершенно одинаково, различия становились ясны только в функционале. Тем не менее желали ее все.

Через несколько лет конкуренты XXX разорились. Выжили те, кто стал тоже делать черные сенсорные кубы. Сразу появились новые китайские производители, которые делали, по сути, ту же самую XXX, только дешевле.

Но X-Technology всегда была на шаг впереди: едва все стали имитировать их кубы (с небольшими вариациями вроде острых или сглаженных углов), как появилась очередная модель — XXX-5. Она была не квадратной, а вытянутой прямоугольной за счет сокращения толщины вдвое. Это вызвало фурор.

Лично я совершенно не понимаю, почему это было воспринято как какое-то колоссальное нововведение. По мне, что квадрат, что прямоугольник — все одно. Они одинаковы. Но потребители посчитали иначе. И не только рядовые потребители — премьер-министр одной страны купил эту модель и ежедневно, совершая рабочие поездки на своем вертолете, брал ее с собой. Разумеется, он не был женат.

В дальнейшем модернизация шла по пути утончения моделей, повышения эффективности функций и улучшения начинки. Программный код был открытым, и все желающие, кто в достаточной мере владел языками программирования, могли разрабатывать свои приложения.

Сейчас все пришло к тому, что модель превратилась в мультитул. Она даже предусматривает эффект погружения в виртуальное пространство, где возможна симуляция эротического опыта в различных культурах и в различные эпохи. Это позиционируется как такой дружественный шаг в сторону тех, кто ностальгирует по классике. А на деле — последний удар по конкурентам.

— Ну а теперь самое главное! — повысив голос, многозначительно говорит исполнительный.

Все затихают, и я тоже вновь включаю внимание. Мы заинтригованы, что и понятно: вроде бы он все уже рассказал, а тут появляется что-то главное. Хотя я уверена, что это очередной маркетинговый ход, ведь очевидно, что ничего нового придумать просто уже нельзя. О чем он там не успел еще сказать? Кажется, про ролевые игры ничего не было. Ну точно...

Но нет, он объявил совершенно другое:

— Впервые в мире мы представляем одновременно мужскую и женскую модель! Два в одном, мечты Платона сбылись! Перед вами — андрогин!

По залу прокатился вздох изумления, многие повскакали с мест и стали яростно фотографировать, хотя и так уже понаделали фоток больше некуда. Закричали — у журналистов сразу появилась куча вопросов. Еще бы, это действительно сногшибательная новость! Есть такие события в истории, после которых говорят: мир уже никогда не будет прежним, так вот это, похоже, тот самый случай. Я судорожно выхватила из сумки блокнот, ручку и стала быстро писать, стараясь ничего не пропустить во все нарастающем гуле.

ТЕСТ

Зашла девушка, я следующая. Это, кажется, самое долгое ожидание в моей жизни. Не совсем понимаю, чем они там столько времени занимаются.

Обратно выходят по-разному. Кто-то, повеселев, кто-то, погрузнев, а кто-то без изменений. Один раз вызывали «скорую помощь» и старика вынесли из кабинета на носилках. Возвращались и в слезах — дважды, кажется. Запомнила мужчину — пожилой уже, седой. Я на него обратила внимание еще до того, как он зашел в кабинет. Он сидел, закинув ногу на ногу, сложив руки на колене, спокойный и очень благообразный, хорошо одетый. Похож на профессора приличного университета. Вот, подумала я тогда, кто не волнуется и не боится, кто готов принять любой исход.

И что же, спустя пару часов, когда он покидал кабинет, в его глазах стояли слезы. На мокрых щеках отчетливее проступили морщины, и как-то острее обозначилась седина. Да и сами глаза от слез вроде стали белесыми, поседели. Он быстро прошел через приемную, и в этой его быстроте мне почудилось поражение.

А ведь все равно непонятно, от радости он плачет или от горя. Не суди по внешнему виду, — в который раз сказала я себе.

В приемной осталось всего пять человек, включая меня. Изначально было около двадцати, и мне казалось, что за пару-тройку часов разберемся. Кто же мог знать, что это затянется на весь день. Перед этим я ждала своей очереди два месяца и надеялась, что, когда настанет мой черед, все будет быстро и легко.

От напряженного ожидания кто-то начинает шутить.

— Как за новым айфоном, — говорит молодой человек и усмехается.

Ему улыбается бледная девушка напротив, остальные не реагируют. Им не до смеха, каждый не уверен в себе, никто не знает, чего ждать, и все чувствуют себя виноватыми.

— Пойду покурю, — смущаясь, произносит он и направляется к выходу. Он достаёт сигарету и закуривает прямо на пороге, перед лифтом. Никто не обращает на это внимания.

— Мама, долго еще? — спрашивает девочка.

Она спрашивает это уже не в первый раз. Мама устало и раздраженно отвечает:

— Откуда я знаю? Видишь, как все...

Девочка падает головой на мамины колени и замирает.

Я задумываюсь: может ли быть такое, что дети тоже должны проходить тест? Или просто маме не с кем было оставить ребенка?

Я встаю и подхожу к окну. Видимо, сделала это очень резко, потому что взгляды устремились на меня. Там осень. Деревья стоят желтые, красных листьев почти нет. Темно, по асфальту под фонарями видно, что идет дождь. Я вижу свое отражение, нечеткое, но то, что накрашилась, все равно хорошо заметно. Ресницы длинные-длинные, как крылья у бабочки, и яркий розовый рот. Вообще у меня губы узкие, но вот так вот кажется, что широкие. Зачем я так накрашилась? Из каких соображений? Соображений, похоже, не было.

В самом начале, когда только разработали этот тест, хотели классифицировать виды потенциальных преступников. В блогах писали, что будто бы даже планировали выпускать значки с надписями: «Убийца», «Насильник», «Вор», «Педофил». И вот человек ходил бы по улицам, ездил на работу с таким значком и не имел права его снимать — чтобы все были предупреждены об опасности.

Не думаю, что это правда. Вряд ли тест позволяет определить склонность к конкретному преступлению, он, скорее, выявляет потенциальных преступников вообще — тех, кто склонен нарушать закон.

Мой коллега, прошедший тест и вернувшийся со значком «безопасного члена общества», рассказал мне, как там все устроено. Ну, на самом деле он просто меня клеил, и я не уверена, что он не придумал все это, чтобы произвести на меня впечатление. Так вот, он рассказал, что в тесте используется статистический подход. На основе анализа ответов и реакций вычисляется вероятность того, что человек в будущем совершит преступление. Есть какое-то пороговое значение, он точно не знает. Если выше — получи значок опасного элемента, если ниже — безопасного.

Я как сама думаю: для того, чтобы получить плохой значок, вероятность преступления должна быть очень высока. Иначе каждый второй превратился бы в опасный элемент.

С тех пор, как год назад внедрили эти обязательные тесты, стали уже поступать тревожные слухи. Будто бы на нормальную работу не берут «опасных». А с теми, что уже в штате, стараются не продлевать контракт. Хотя официально было объявлено, что работодателей будут наказывать за пристрастное отношение. Потому что, как было сказано, эти граждане не преступники и, скорее всего, никаких преступлений не совершат. Но, вполне вероятно, совершили бы, если бы окружающие не были предупреждены о возможной опасности. Для этого, собственно, все и обязаны теперь носить значки.

Я вообще достаточно умна, чтобы понимать, зачем это понадобилось. Это, конечно, удобно: если вдруг где-то произошло преступление, сразу ясно, в какой категории лиц нужно искать. Правоохранительным органам проще.

Но все эти заявления, конечно, на работодателей не очень повлияли. Кто возьмет на работу учителя, скажем, физкультуры со значком потенциального преступника? Да и в самих правоохранительных органах сразу началась чистка. Первыми вылетели начальники разных уровней. Хотя в новостях это подавалось как «неполное служебное соответствие» и все такое.

Среди потенциальных оказались и несколько губернаторов, их тоже уже нет. Самым первым лицам повезло — они демонстративно прошли тест раньше всех и получили значки безопасных. Хотя уж вот тут, я совершенно уверена, запросто могла быть подтасовка.

Допустим, президент, премьер-министр или главный прокурор провалили бы тест. Неужто они допустили бы распространение такой информации? Уверена, что нет.

Ну что она там так долго? — я внезапно раздражаюсь и зло смотрю на дверь кабинета. Но тут же беру себя в руки и стараюсь переключиться.

Вот, кстати, к слову. Читаю сейчас в новостях:

«Народный артист Тимур Илдар улы Юнусов нецензурно выразил возмущение в своем блоге в связи с тем, что региональные власти препятствуют его выступлениям на концертных площадках. Напомним, что в результате обязательного участия в Национальной программе безопасности артист провалил тест и получил статус потенциально опасного элемента. Решается вопрос об избрании меры пресечения».

Некоторое время я напряженно пытаюсь сообразить, при чем здесь мера пресечения. Потом вспоминаю: он же высказался в своем блоге нецензурно! А это противоправно.

Ладно. Читаю дальше:

«Голографическая проекция Аллы Борисовны выступила в поддержку популярного исполнителя русских народных песен, добавив, что при жизни она лично знала Тимура и что „мальчик, несмотря на агрессивный имидж, совершенно безобиден“».

Я закатила глаза и шумно выдохнула. Все посмотрели на меня, я хотела сразу же поделиться с ними этим бредом, но, увидев их глаза, передумала. Им сейчас не до этого.

И тут мне самой становится не до возмущений и тем более не до смеха. Я сжимаюсь, словно от внезапного болезненного укола. Я замираю и превращаюсь в неподвижный комочек на холодном ветру. Что я скажу сыну? — думаю я. Ему скоро шесть, и он уже многое понимает. Об этом говорят в садике, в школе, по телевизору, повсюду. «Мама, но мы же не преступники!» — однажды, плача, прошепчет он перед сном, после целого дня издевательств со стороны одноклассников. И что будет с моей работой?

«Стоп! — говорю я себе. — Ты же еще не проходила тест! Может, все будет хорошо, а если нет, потом подумаешь...» Но я уже не могу вернуться в прежнее состояние равновесия, смутная тревога осталась во мне. Тут я понимаю, что эта тревога никуда и не уходила, я просто забывала о ее причинах и старалась прикрыть всякими посторонними делами. Вроде как снег укрывает на время мусор и грязь.

Тут я задумываюсь о том, что и то того, как возникла необходимость проходить тест, меня не покидала эта затаенная тревога, но по другим поводам. Когда же я впервые начала тревожиться? — испуганно заглядываю я в себя. И не нахожу ответа. Кажется, тревога была всегда.

«Господи, — мысленно говорю, глядя в черное окно, туда, где должно быть небо, — обещаю, что если успешно пройду этот проклятый тест, то уже никогда не буду ни о чем беспокоиться! Я буду счастливой!»

Не могу сказать, что я сильно верующая. Но вот в такие моменты, как этот, просыпается что-то такое.

Через приемную быстро проходит охранник и исчезает в кабинете. До нас доносятся резкие возгласы. Мы переглядываемся, что-то случилось. Спустя минуту охранник выводит из кабинета девушку, ту самую, что стояла в очереди передо мной. Она не сопротивляется, и выводит он ее вежливо — аккуратно, но крепко придерживая за локоть.

У нее заплаканные глаза, щеки покраснели и как будто вспухли. Я гадаю, кто она, что так расстроилась? Мать? Воспитательница в детском саду? Врач? Муж с ней разведется?

— Следующий, пожалуйста! — зовут из кабинета.

Очередь выжидательно смотрит на меня. Наверно, их раздражает, что я не тороплюсь покончить со всем этим. Я встаю и зачем-то начинаю изучать содержимое сумочки. Не знаю зачем, мне ничего там не нужно. Наверно, я это делаю назло очереди. А может, и не очереди, а тем, кто ждет в кабинете. Или даже не им. Потом застегиваю ее и не спеша иду к кабинету. Голова приподнята, спина прямая.